

ДЕЛО «ЛИНГЕНС (LINGENS) против АВСТРИИ»

Постановление суда от 8 июля 1986 г.

В деле “Лингенс”,

Европейский суд по правам человека, принимая свое постановление на пленарном заседании во исполнение статьи 50 Регламента Суда, и составленный из следующих судей:

г-н Р. Риссдал, Председатель,
г-н В. Гансхоф ван дер Мерш,
г-н Й. Кремона,
г-н Г. Виарда,
г-н Тор Вильямсон,
г-жа Д. Биндшедлер-Роберт,
г-н Г. Лагергрэн,
г-н Ф. Гелчюкю,
г-н Ф. Матчер,
г-н Ж. Пинейро Фаринья,
г-н Л. –Е. Петтити,
г-н Б. Уолш,
сэр Винсент Эванс,
г-н Р. Макдональд,
г-н К. Руссо,
г-н Р. Бернхардт,
г-н Й. Герсинг,
г-н А. Шпильманн,

а также г-н М. –А. Эйссен, секретарь, и г-н Х. Петцольд, заместитель секретаря,
Проведя 27 ноября 1985 г. и 23-24 июня 1986 г. совещания при закрытых дверях,

Выносит следующее постановление, которое было принято 24 июня 1986 г.:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Настоящее дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (“Комиссией”) 13 декабря 1984 г. и Федеральным правительством Республики Австрия (“Правительством”) 28 января 1985 г., в течение трехмесячного срока, предусмотренного статьей 32 п. 1 и статьей 47 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”). Оно возникло из жалобы (№ 9815/82) против Австрии, поданной в Комиссию 19 апреля 1982 г. австрийским подданным г-ном Петером Михаэлем Лингенсом, в соответствии со статьей 25 Конвенции.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Австрия признала обязательность для себя постановлений Суда (статья 46). Обращение Правительства основывалось на статье 48 Конвенции. Предметом запроса и обращения было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии со статьей 33 п. 3 (d) Регламента Суда, г-н Лингенс сообщил о своем намерении принять участие в разбирательстве дела в Суде и назначил адвоката для представления его интересов в этом разбирательстве (статья 30 Регламента).

3. В состав Палаты из семи судей, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н Ф. Матчер как избранный судья австрийской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Г. Виарда как Председатель Суда (статья 21 п. 3 (b) Регламента). 23 января 1985 г. в присутствии секретаря Председатель путем жеребьевки назначил остальных 5 членов Палаты, а именно: г-жу Д. Биндшедлер-Роберт, г-на Г. Лагергрена, сэра Винсента Эванса, г-на Р. Бернхардта и г-на Й. Герсинга (конец статьи 43 Конвенции и статья 21 п. 4 Регламента).

4. Г-н Виарда вступил в должность Председателя Палаты (статья 21 п. 5 Регламента). После консультаций с представителем Правительства, представителем Комиссии и адвокатом г-на Лингенса, проведенных через заместителя секретаря, он

- решил 11 февраля 1985 г., что на данной стадии разбирательства нет необходимости в подаче сторонами памятных записок (статья 37 п. 1 Регламента);
- постановил 4 июля, что устное разбирательство должно начаться 25 ноября 1985 г. (правило 38 Регламента).

30 января Председатель Суда дал адвокату заявителя разрешение использовать во время слушаний немецкий язык (статья 27 п. 3 Регламента).

5. 4 мая 1985 г. “Институт международной прессы” (ИП), действуя через правозащитную организацию “Интерайтс”, испросил разрешение подать письменные соображения согласно статье 37 п. 2 Регламента. 6 июля Председатель Суда дал такое разрешение, оговорив его рядом условий.

После продления первоначально предоставленного срока подачи, указанные соображения поступили в канцелярию Суда 1 октября 1985 г.

6. 25 сентября 1985 г. Палата в соответствии со статьей 50 Регламента решила немедленно уступить юрисдикцию в пользу пленарного заседания Суда.

В письме, поступившем в канцелярию 13 ноября, заявитель представил свои претензии согласно статье 50 Конвенции.

7. Слушание дела, проводившееся под руководством г-на Риссдала, который 30 мая 1985 г. стал Председателем Суда, проходило публично во Дворце прав человека в Страсбурге 25 ноября 1985 г. Незадолго до начала самого слушания Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства —

г-н Х. Тюрк, юрисконсульт Министерства иностранных дел, Представитель,

г-н В. Окресек, Федеральная канцелярия,

г-н Г. Фельзенштайн, Министерство юстиции, Советники;

(b) со стороны Комиссии —

г-н Х. Г. Шермерс, Представитель;

(c) со стороны заявителя —

г-н В. Массер, Адвокат,

г-н П. М. Лингенс, Заявитель.

Суд заслушал выступления г-на Тюрка и г-на Окресека со стороны Правительства, г-на Шермерса со стороны Комиссии и г-на Массера и самого г-на Лингенса со стороны заявителя, а также их ответы на заданные им вопросы.

6 декабря 1985 г. и 17 марта 1986 г. г-н Массер, во исполнение запроса Председателя Суда, представил в канцелярию ряд документов с изложением деталей требований заявителя о справедливой компенсации. Правительство представило свой ответ на указанные документы 18 марта 1986 г.

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ДЕЛА

8. Г-н Лингенс, австрийский журналист, родился в 1931 г. Он проживает в Вене и является редактором журнала “Профиль”.

I. Статьи заявителя и их подоплека

9. 9 октября 1975 г., за четыре дня до всеобщих выборов в Австрии, в ходе телевизионного интервью глава центра еврейской документации г-н Симон Визенталь обвинил председателя Либеральной партии Австрии г-на Фридриха Петера в том, что тот во время Второй мировой войны служил в первой пехотной бригаде СС. Это подразделение получило печальную известность массовыми убийствами мирных жителей на оккупированной немцами советской территории. Г-н Петер не отрицал своей принадлежности к указанной бригаде, но заявил, что сам он никогда не участвовал ни в одном из совершенных ей зверских поступков. Вслед за этим г-н Визенталь сказал, что он и не утверждал ничего подобного.

10. На следующий день г-на Бруно Крайского, бывшего в то время федеральным канцлером и председателем Социалистической партии Австрии, во время телевизионного интервью попросили рассказать, что он думает об этих обвинениях.

Перед самым интервью г-н Крайский встретился с г-ном Петером в Федеральной канцелярии. Их встреча носила характер обычной консультации, которые проводятся руководителями партий с целью формирования нового правительства; она вызвала большой общественный резонанс, потому что перед выборами 5 октября подробно обсуждалась возможность создания коалиционного правительства Крайского-Петера.

Во время интервью г-н Крайский исключил возможность создания такой коалиции, так как его партия получила на выборах абсолютное большинство голосов. Тем не менее, он решительно поддержал г-на Петера и назвал организацию г-на Визенталя “политической

мафией”, а ее деятельность — “мафиозными методами”. Похожие высказывания появились на следующий день в одной венской ежедневной газете, которой он дал интервью.

11. В сложившейся ситуации заявитель опубликовал две статьи в венском журнале “Профиль”.

12. Первая из них вышла в свет 14 октября 1975 под заголовком “Дело Петера”. В ней описывались вышеуказанные события и, в первую очередь, деятельность первой пехотной бригады СС. В статье акцентировалось внимание на роль г-на Петера в начатом в Граце (и впоследствии прекращенном) уголовном преследовании лиц, воевавших в этой бригаде. Далее делался вывод, что хотя г-н Петер, безусловно, имеет право на пользование презумпцией невиновности, тем не менее, его прошлое не позволяет ему заниматься политикой в Австрии. Вслед за этим заявитель подверг критике позицию г-на Крайского, которого он обвинил в защите по политическим причинам г-на Петера и других бывших членов СС. Относительно критических нападок в адрес г-на Визенталя со стороны г-на Крайского, он написал: “если бы они прозвучали из уст кого-либо еще, их можно было бы назвать низкопробным оппортунизмом”. Затем он добавил, что в данных обстоятельствах ситуация представляется еще более запутанной, так как г-н Крайский верит в то, о чем говорит.

13. Вторая статья, опубликованная 21 октября 1975 г., была озаглавлена “Примирение с нацистами, но каким образом?” Она занимала несколько журнальных страниц и была разделена на введение и 6 разделов: “‘Все еще’ или ‘Уже’”, “Мы все невиновны”, “Была ли необходимость в расстреле беззащитных людей?”, “Почему этот вопрос до сих пор обсуждают?”, “Гельбих и Петер” и “Политическая безграмотность”.

14. Во введении г-н Лингенс напомнил факты и подчеркнул влияние высказываний г-на Крайского на общественное мнение. Он подверг его критике не только за то, что он поддерживает г-на Петера, но и за его примирительное отношение к бывшим нацистам, которые в последнее время стали принимать все более активное участие в австрийской политике.

15. В разделе “‘Все еще’ или ‘Уже’” заявитель признал, что нельзя выступать против подобного отношения с позиций “реалистической политики”. По его словам, “прошло время, когда по электоральным соображениям требовалось учитывать интересы не только нацистов, но и их жертв ... первые из них пережили последних...”. Тем не менее, Австрия, породившая Гитлера, Эйхманна и множество других военных преступников, так и не смогла примириться со своим прошлым; она его просто игнорирует. Это рискованная политика, которая может привести к тому, что страна окажется в руках нового фашистского движения.

Что касается бывшего в то время федеральным канцлером г-на Крайского, он добавил: “В действительности, поведение г-на Крайского нельзя критиковать с рациональных позиций. Его можно осуждать только с иррациональной точки зрения: оно аморально и

недостойно". Кроме того, оно было ненужным, так как австрийцы могут свыкнуться со своим прошлым, не прибегая к заигрыванию с бывшими нацистами, замалчиванию проблемы концентрационных лагерей или к антисемитским нападкам в адрес г-на Визенталя.

Удивительным во всем этом было не то, что об этих вещах “все еще” говорят по прошествии тридцати лет, а то, что так много людей “уже” смогло закрыть глаза на существование гор трупов.

В заключение, г-н Лингенс осудил бестактность поведения г-на Крайского по отношению к жертвам нацизма.

16. Во втором разделе статьи исследуется отношение австрийского общества в целом к нацистским преступлениям и бывшим нацистам. По мнению автора, укрываясь за философским выбором между коллективной виной и коллективной невиновностью, австрийцы стараются не замечать реальной и видимой вины.

После долгого разбора различных типов ответственности, он подчеркивает, что и в то время была возможность делать выбор между добром и злом, и приводит примеры лиц, которые отказались сотрудничать с нацистским режимом. Он делает вывод, что “если бы Бруно Крайский использовал свою личную репутацию для показа этой другой и лучшей Австрии столь же энергично, как он защищал г-на Петера, он бы дал своей стране — спустя тридцать лет — то, что ей более всего необходимо для того, чтобы примириться со своим прошлым: большую уверенность в самой себе”.

17. В третьем и четвертом разделах (которые вкуче занимали треть всей статьи) обсуждалась необходимость преодолеть сознание коллективной вины и рассмотреть вопрос установления реальной виновности.

Под заголовком "Была ли необходимость в расстреле беззащитных людей?", г-н Лингенс проводит различие между специальными подразделениями и регулярными частями армий Третьего Рейха. Он обращает внимание на то, что в специальные подразделения никого не забирали насильно: в них служили на добровольной основе.

В следующем разделе он подчеркивает разницу между виновными в совершении уголовных преступлений и теми, кого с моральной точки зрения следует считать их сообщниками; он утверждает, что если бы Австрия осудила своих нацистов раньше и быстрее, она могла бы сейчас спокойнее, без комплексов и с большей уверенностью относиться к своему прошлому. Далее он приводит причины, по которым этого не произошло, и защищает г-на Визенталя от обвинений в принадлежности к “мафии”. В конце раздела, он рассматривает возможность проявления милосердия по прошествии стольких лет и заключает: "Каждое общество имеет право на проявление милосердия, но это не должно выливаться в такие нездоровые формы обращения с законом, когда оправдываются явные убийцы и умалчивается, скрывается или отрицается очевидная вина".

18. В пятом разделе статьи г-на Лингенса дело Петера сравнивается с другим делом, имеющим скорее экономический характер и касающимся г-на Гельбиха, одного из лидеров Австрийской народной партии. Автор сравнивает реакцию г-на Крайского на

каждое из этих дел. Он утверждает, что обстоятельства первого дела не позволяют г-ну Петеру заниматься политикой и занимать посты в парламенте или правительстве, добавляя при этом: “Это минимальное требование политической этики”. “Чудовищным”, с точки зрения заявителя, является вовсе не то, что г-н Визенталь обратил внимание на наличие данной проблемы, а то, что г-н Крайский стремится ее замолчать.

19. Заключительный раздел статьи был посвящен критике политических партий в целом из-за наличия бывших нацистов в числе их лидеров. Заявитель полагает, что г-н Петер обязан уйти в отставку, — не ради признания своей вины, а чтобы доказать, что у него есть то, чего нет и в помине у г-на Крайского — тактичность.

II. Выдвинутые г-ном Крайским частные обвинения

20. 29 октября и 12 ноября 1975 г. бывший в ту пору федеральным канцлером г-н Крайский выдвинул против г-на Лингенса два частных обвинения. Он утверждал, что отдельные места в вышеуказанных статьях носят клеветнический характер, и ссылаясь на статью 111 Австрийского Уголовного кодекса, в которой говорится:

"1. Каждый, кто обвиняет другого в обладании презренным характером, либо в нечестивом или аморальном поведении, оскорбляющем или унижающем его в глазах людей, причем делает это таким образом, что обвинения воспринимаются как таковые третьими лицами, наказывается тюремным заключением сроком до шести месяцев или денежным штрафом.

2. Каждый, кто совершает это правонарушение в печатном документе, радио- или телепередаче или каким-либо иным образом, посредством которого диффамация становится доступной широкой общественности, наказывается тюремным заключением сроком до одного года или денежным штрафом.

3. Лицо, сделавшее утверждение, не наказывается, если будет доказана истинность этого утверждения. В отношении определенного в п. 1 правонарушения, лицо также не считается виновным, если будут установлены обстоятельства, которые дают достаточные основания предполагать, что утверждение является истинным".

В соответствии со статьей 112, “не допускается применение в качестве доказательства достоверности фактов и добросовестности, если только сделавшее утверждение лицо не сошлется в свое оправдание на правильность своего утверждения или свою добросовестность...".

А. Первый этап судебного разбирательства

1. Решение Окружного суда Вены

21. 26 марта 1979 г. Окружной суд Вены признал г-на Лингенса виновным в диффамации (статья 111 п. 2 Уголовного кодекса) за использование выражений “низкопробный оппортунизм”, “аморальный” и “недостойный”. В то же время он посчитал, что некоторые другие выражения не являются диффамационными в данном контексте (“минимальное требование политической этики”, “чудовищный”). Суд приговорил заявителя к штрафу в 20 000 шиллингов, посчитав смягчающими обстоятельствами то, что обвиняемый намеревался подвергнуть политической критике политических деятелей по политическим вопросам, и то, что от политиков можно ожидать большей терпимости по отношению к диффамации, чем от простых людей. Принимая во внимание добросовестность заявителя, Суд не присудил г-ну Крайскому возмещение убытков, но, по его ходатайству, приказал провести конфискацию обжалуемых статей и опубликовать решение Суда в журнале “Профиль”.

22. В своем решении, содержащем длинную мотивировочную часть, Окружной суд Вены сначала исследует вопрос объективно диффамационного характера каждого из мест статьи, на которые жаловался г-н Крайский. Он пришел к заключению, что выражения “низкопробный оппортунизм”, “аморальный” и “недостойный” являются диффамационными и прямо или косвенно нацелены лично на г-на Крайского, в то время как выражения “минимальное требование политической этики” и “чудовищный” не выходят за принятые рамки политической критики.

По мнению г-на Лингенса, первые три выражения представляют собой оценочные суждения и как таковые не противоречат статье 111 Уголовного кодекса. Окружной суд, однако, посчитал, что неблагоприятные выводы относительно поведения бывшего в ту пору федеральным канцлером г-на Крайского подпадают под сферу применения указанного положения. Ответчик не может также ссылаться на право свободно выражать свое мнение, так как соответствующие положения Конституции и статьи 10 Конвенции разрешают ограничение этого права в целях нахождения баланса между данным правом и правом на уважение частной жизни и защиту репутации. В настоящем деле заявитель переступил допустимые границы.

23. Что касается выдвинутого г-ном Крайским частного обвинения, Окружной Суд указал, что он был подвергнут критике не в качестве федерального канцлера, а как один из руководителей его партии и как политический деятель. Поэтому статья 117 п. 2 Уголовного кодекса неприменима к настоящему делу: она предусматривает наказание за диффамацию должностного лица, но исключительно посредством публичного обвинения, выдвинутого с согласия заинтересованного лица, которое может начать частное преследование только в том случае, если отказываются действовать органы уголовного преследования.

24. Затем Окружной Суд рассмотрел вопрос доказательства достоверности высказывания (см. п. 20 выше). Он посчитал, что поскольку заявитель не представил свидетельств в оправдание выражения "низкопробный оппортунизм", этого вполне достаточно, чтобы признать его виновным.

Что же касается слов "аморальный" и "недостойный", обвиняемый употребил их в отношении позиции г-на Крайского, выражающейся в преуменьшении нацистских зверств, обзывании деятельности г-на Визенталя мафиозной и намеках на то, что г-н Визенталь сотрудничал с гестапо. По этому последнему пункту, Окружной Суд принял представленное г-ном Лингенсом свидетельство в виде судебного решения, в котором виновным в диффамации был признан журналист, сделавший аналогичное заявление.

Поскольку г-н Крайский говорил о "мафиозных методах" и "мафии", Окружной Суд указал, что эти выражения обычно относятся к организованной форме преступного поведения, но иногда используются и в другом смысле. Даже если не принимать аргумент, выдвинутый частным обвинителем, его представление о "мафии" имеет право на существование и достойно рассмотрения. Бремя доказывания достоверности своих утверждений лежит не на обвинителе, а на г-не Лингенсе. Сам г-н Визенталь признает, что для достижения различных своих целей он опирается на организацию с многочисленными разветвлениями. Кроме того, утверждения бывшего в ту пору федеральным канцлером г-на Крайского (см. п. 10 выше) следует воспринимать в контексте политической борьбы между политическими оппонентами, каждый из которых использует то оружие, которое имеется в его распоряжении. С этой точки зрения, они свидетельствуют не об отсутствии нравственных принципов или достоинства, а представляют собой возможную защиту, и в этом нет ничего необычного для ожесточенной политической дискуссии.

По правде говоря, отношение г-на Крайского к жертвам и пособникам нацистов далеко не очевидно или однозначно; оно проявилось в форме, допускающей различные заключения. Поэтому у ответчика не имеется логической возможности доказать, что его истолкование этого отношения является единственно возможным.

2. Жалоба в Апелляционный суд Вены

25. Как г-н Крайский, так и г-н Лингенс обжаловали это решение в Апелляционном суде Вены. 30 ноября 1979 г. Апелляционный суд, не производя расследования по существу дела, отменил указанное решение на том основании, что Окружной суд не сумел достаточно тщательно изучить вопрос о том, имел ли бывший в то время федеральным канцлером г-н Крайский право выдвигать частное обвинение несмотря на положения статьи 117 Уголовного кодекса (см. п. 23 выше).

В. Второй этап судебного разбирательства

1. Решение Окружного суда Вены

26. Окружной суд Вены, на рассмотрение которого Апелляционный суд вернул дело, вынес решение 1 апреля 1981 г.

После исследования обстоятельств, окружающих заявления бывшего в ту пору федеральным канцлером г-на Крайского, Суд пришел к заключению, что он подвергся критике не как высшее должностное лицо, а в качестве главы партии и частного лица, почувствовавшего себя обязанным выступить в защиту третьей стороны. Отсюда следовало, что он имеет право выдвигать частное обвинение.

В отношении юридического определения действий, вмененных в вину г-ну Лингенсу, Окружной суд оставил в силе свое решение от 26 марта 1979 г.

Что касается защиты путем предъявления оправдывающих обстоятельств, Суд вновь отметил, что обвиняемый не представил никаких фактов в доказательство истинности выражения "низкопробный оппортунизм". Что же касается выражений "аморальный" и "недостойный", представленное им свидетельство относится только к утверждениям о сотрудничестве г-на Визенталя с нацистами. Они, однако, не относятся к делу, так как г-н Крайский высказал их после публикации статей, о которых идет речь.

Поскольку эти выражения относились к поведению и позиции федерального канцлера по другим вопросам, Окружной суд оставил без изменения свое предыдущее заключение. Он посчитал, что критика со стороны г-на Лингенса выходит далеко за рамки вопроса атак г-на Крайского на г-на Визенталя.

То обстоятельство, что г-н Крайский мог подвергнуть заявителя судебному преследованию, но не мог сам подвергнуться преследованию за диффамацию со стороны г-на Визенталя, обусловлено существующими законами о парламентской неприкосновенности. Обязанность доказывания истинности своих утверждений также основывается на законе, и задача упрощения такого доказывания лежит не на судах, а на органах законодательной власти. Окружной суд не может нести ответственность за недостаток терпимости и сутяжнический характер отдельных политических деятелей.

Поэтому Суд вынес такой же приговор, как и в первоначальном своем решении (см. п. 21 выше).

2. Жалоба в Апелляционный суд Вены

27. Обе стороны вновь обжаловали это решение в Апелляционном суде Вены, который вынес свое решение 29 октября 1981 г. Он уменьшил наложенный на заявителя штраф до 15 000 шиллингов, однако оставил в силе решение Окружного суда во всех других отношениях.

28. Г-н Крайский поставил под сомнение то утверждение, что к частной и политической жизни должны применяться различные критерии. По его мнению, в вопросах защиты собственной репутации должен существовать единый подход как в отношении политических деятелей, так и в отношении частных лиц.

Апелляционный суд, однако, указал, что статья 111 Уголовного кодекса применяется исключительно к защите репутации лиц в их социальной среде. В случае политических деятелей, такой средой является общественное мнение. В то же время, опыт показывает, что частое использование оскорблений в политических дискуссиях (обычно под прикрытием парламентской неприкосновенности) создало впечатление, что утверждения в этой области нельзя оценивать по тем же самым критериям, как утверждения,

относящиеся к частной жизни. Поэтому политические деятели должны проявлять большую терпимость. Как правило, произносимые в политическом споре критические высказывания не оказывают влияния на репутацию человека, если только они не касаются его частной жизни. В настоящем деле последнее положение не относится к выражениям "минимальное требование политической этики" и "чудовищный". Таким образом, апелляционная жалоба г-на Крайского отклоняется.

29. Затем Апелляционный суд обратился к основаниям апелляционной жалобы г-на Лингенса и, прежде всего, изучил доказательство, принятое первой инстанцией, с тем чтобы определить, в каком качестве г-н Крайский подвергся воздействию критических замечаний в его адрес. Суд также пришел к заключению, что он подвергся критике как в качестве руководителя партии, так и в качестве частного лица.

Выражение "низкопробный оппортунизм" подразумевает, что лицо, в адрес которого оно употребляется, действует в определенных целях, полностью игнорируя всякие моральные нормы. Это само по себе является нападением на репутацию г-на Крайского. Использование слов "если бы они прозвучали из уст кого-либо еще" (см. п. 12 выше) нельзя рассматривать как аннулирование критического высказывания. Поскольку ответчик не преуспел в доказывании истинности этого высказывания, суд первой инстанции справедливо признал его виновным в правонарушении.

По мнению заявителя, выражения "аморальный" и "недостойный" являлись его персональным суждением о поведении, которое не оспаривается, — суждением, сделанным в осуществление его свободы слова, гарантированной статьей 10 Конвенции. Апелляционный суд не принял этот аргумент; он указал, что австрийское законодательство не дает гражданам неограниченного права формулировать оценочные суждения, и что статья 10 разрешает установленные в законодательном порядке ограничения для защиты, в числе прочего, репутации других лиц. Кроме того, задачей прессы является распространение информации, толкование которой следует оставить главным образом читателю. Если сам журналист выражает какое-то мнение, оно должно оставаться в рамках, установленных уголовным законодательством для защиты доброго имени граждан. Это, однако, не относится к настоящему делу. Бремя доказывания правдивости своих высказываний лежало на г-не Лингенсе; он не смог отделить своих неблагоприятных оценочных суждений от фактов, на которых они основывались. Поскольку сам г-н Крайский был убежден, что г-н Визенталь использовал "мафиозные методы", его нельзя обвинять в том, что он действовал безнравственно или недостойно.

30. Решение Апелляционного суда было опубликовано в журнале "Профиль" 22 февраля 1982 г., как того требовало дополнительное наказание, наложенное на г-на Лингенса и его издателя.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

31. В своем обращении в Комиссию (№ 9815/82) от 19 апреля 1982 г. г-н Лингенс обжаловал осуждение его за диффамацию в печати (статья 111 п. 2 Уголовного кодекса).

32. 5 октября 1983 г. Комиссия объявила жалобу приемлемой. В своем докладе от 11 октября 1983 г. (статья 31), Комиссия единогласно выразила мнение, что имело место нарушение статьи 10. Полный текст выводов Комиссии приведен в приложении к настоящему постановлению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

33. На слушании 25 ноября 1985 г. Правительство просило Суд “признать, что в настоящем деле не имело место нарушение положений статьи 10 Европейской Конвенции о защите прав человека”, а заявитель просил принять решение в его пользу.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 10 Конвенции

34. Согласно статье 10 Конвенции:

“1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

Г-н Лингенс утверждал, что оспариваемые решения суда нарушали его право на свободу слова до такой степени, которая несовместима с основополагающими принципами демократического общества.

К такому же выводу пришла и Комиссия. С другой стороны, Правительство утверждало, что спорное наказание было необходимым для защиты репутации г-на Крайского.

35. Никем не оспаривалось, что имело место “вмешательство государственных органов” в осуществление заявителем права на свободу слова. Это выразилось в осуждении заявителя за диффамацию Окружным судом Вены 1 апреля 1981 г., приговор которого был подтвержден Апелляционным судом Вены 29 октября 1981 г. (см. п. 26 и 27 выше).

Подобное вмешательство противоречит Конвенции, если оно не удовлетворяет требованиям статьи 10 п. 2. Таким образом, Суду предстоит определить, было ли вмешательство “предусмотрено законом”, преследовало ли оно цель или цели, признанные правомерными в соответствии с п. 2 статьи 10, и было ли оно “необходимым в демократическом обществе” для достижения этих целей (см. в качестве недавнего прецедента судебное постановление по делу *Бартольда* от 25 марта 1985 г. Серия А, т. 90, стр. 21, п. 43).

36. Относительно первых двух вопросов Суд согласен с Правительством и Комиссией, что оспариваемый обвинительный приговор несомненно основывается на статье 111 Уголовного кодекса Австрии (см. п. 21 выше); более того, он направлен на защиту “репутации или прав других лиц”, и нет оснований полагать, что у него имеется какая-либо иная цель (см. статью 18 Конвенции). Таким образом, приговор был вынесен по основаниям, “предусмотренным законом”, и имел правомерную цель в соответствии со статьей 10 п. 2 Конвенции.

37. В своих аргументах Комиссия, Правительство и заявитель сосредоточились на вопросе, было ли вмешательство “необходимым в демократическом обществе” для достижения вышеупомянутой цели.

Заявитель ссылаясь на свою роль журналиста, пишущего на политические темы в плюралистическом обществе; в этом качестве он считал своим долгим выразить свой взгляд на резкую критику г-на Визентала со стороны г-на Крайского. Он так же, как и Комиссия, полагал, что политик, который привык нападать на своих оппонентов, должен ожидать более жесткой критики в свой адрес, чем другие люди.

Правительство утверждало, что свобода слова не должна препятствовать национальным судам принимать по своему усмотрению решения, необходимые для того, чтобы не допустить превращения политической дискуссии в обмен личными оскорблениями. Утверждалось, что некоторые выражения, использованные г-ном Лингенсом (см. п. 12 и 15 выше), выходят за рамки допустимого. Более того, поскольку заявитель мог ознакомить общественность со своими взглядами без какой-либо предварительной цензуры, наложенное на него впоследствии наказание не было несоразмерным с правомерно преследуемой целью.

Правительство настаивало, что в данном случае имел место конфликт между двумя гарантированными Конвенцией правами — свободой слова (статья 10) и правом на уважение личной жизни (статья 8). Весьма широкое толкование, данное Комиссией первому из этих прав, говорилось далее, было сделано без достаточного учета необходимости оградить второе право.

38. По этому последнему вопросу Суд отмечает, что слова, которые ставились в вину г-ну Лингенсу, относятся к некоторым публичным обвинениям в адрес г-на Визентала со стороны г-на Крайского (см. п. 10 выше) и к отношению последнего в качестве политического деятеля к национал-социализму и бывшим нацистам (см. п. 14 выше). Соответственно, здесь нет необходимости в толковании статьи 10 в свете статьи 8.

39. Прилагательное “необходимы” в смысле статьи 10 п. 2 подразумевает наличие “острой общественной потребности” (см. вышеупомянутое постановление по делу *Бартольда*. Серия А, т. 90, стр. 24—25, п. 55). Государствам-участникам предоставлена определенная сфера усмотрения в оценке того, существует ли подобная потребность (там же), но в то же время возможен европейский контроль за законодательством и практикой его применения, включая решения независимых судов (см. постановление по делу “*Санди таймс*” от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, стр. 36, п. 59). Именно Европейский Суд уполномочен давать окончательное определение того, насколько “ограничение” или “санкция” совместимы со свободой слова, в том виде, как она защищается статьей 10 (там же).

40. Осуществляя свою контрольную юрисдикцию, Суд не может ограничиваться рассмотрением оспариваемых судебных решений изолированно; он должен учитывать обстоятельства дела в целом, включая статьи, вменяемые в вину заявителю, и контекст, в которых они были написаны (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *Хэндисайда* от 7

декабря 1976 г. Серия А, т. 24, стр. 23, п. 50). Суд должен определить, является ли вмешательство, о котором идет речь, “соразмерным преследуемой правомерной цели”, подтверждено ли оно доводами, выдвинутыми австрийскими судами в его обоснование, и являются ли они достаточными (см. вышеупомянутое постановление по делу *Бартольда*. Серия А, т. 90, стр. 25, п. 55).

41. В этой связи Суд вынужден напомнить, что свобода выражения мнения, как она определяется в п. 1 статьи 10, представляет собой одну из несущих опор демократического общества и одно из основополагающих условий его прогресса и самореализации каждого его члена. При соблюдении требований п. 2, свобода слова охватывает не только “информацию” или “идеи”, которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет “демократического общества” (см. упомянутое выше судебное постановление по делу *Хэндисайда*. Серия А, т. 24, стр. 23, п. 49).

Эти принципы приобретают особое значение в том, что касается прессы. Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные в том числе для “защиты репутации других лиц”, тем не менее на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим общественный интерес. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право на их получение (см. *mutatis mutandis* упомянутое выше судебное постановление по делу “*Санди таймс*”. Серия А, т. 30, стр. 40, п. 65). В этой связи Суд не может принять высказанного в решении суда второй инстанции Вены мнения о том, что задачей прессы является распространение информации, толкование которой следует оставить главным образом читателю (см. п. 29).

42. Свобода печати наделяет к тому же общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. В более общем виде можно сказать, что свобода политической дискуссии составляет стержень концепции демократического общества, которая проходит через всю Конвенцию.

Соответственно, пределы допустимой критики в отношении политического деятеля как такового шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый должен проявлять и большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию. Нет сомнения, что п. 2 статьи 10 позволяет защищать репутацию всех лиц, т. е. распространяется и на политиков, даже когда они выступают не в качестве частных лиц; но в таких случаях необходимо взвешивать потребности подобной защиты в связи с интересом общества к открытой дискуссии по политическим вопросам.

43. Заявитель был осужден, потому что в двух статьях, опубликованных в венском журнале “Профиль” 14 и 21 октября 1975 г., он использовал некоторые выражения (“низкопробный оппортунизм”, “аморальный”, “недостойный”) в отношении г-на Крайского, который в то время был федеральным канцлером (см. п. 12-19 выше). В статьях рассматривались политические проблемы, вызвавшие в Австрии большой общественный интерес и повлекшие за собой оживленную дискуссию по поводу отношения австрийцев в целом — и их канцлера в частности — к национал-социализму и участию бывших нацистов в управлении страной. Содержание и тон этих статей были в общем достаточно сбалансированы, но использование ранее упомянутых выражений выглядело как нечто, способное повредить репутации г-на Крайского.

Однако, поскольку дело касалось г-на Крайского как политика, следует принять во внимание тот фон, на котором появились эти публикации. Это произошло вскоре после всеобщих выборов в октябре 1975 г. Многие австрийцы полагали, что партия г-на Крайского в итоге этих выборов утратит абсолютное большинство и, чтобы остаться у власти, вынуждена будет вступить в коалицию с партией г-на Петера. После выборов г-н Визенталь опубликовал серию разоблачений о нацистском прошлом г-на Петера, и тогда канцлер выступил в защиту г-на Петера и обрушился с нападками на его обвинителя, деятельность которого он назвал “мафиозными методами”, что в свою очередь вызвало столь резкую реакцию со стороны г-на Лингенса (см. п. 9 и 10 выше).

Таким образом, инкриминируемые выражения следует рассматривать на фоне разгоревшегося после выборов политического спора; как отметил в своем решении от 26 марта 1979 г. Окружной суд Вены (см. п. 24 выше), в этой борьбе каждый использовал то оружие, которое оказалось в его распоряжении; и в этом не было ничего необычного для ожесточенной политической дискуссии.

При оценке в свете Конвенции наложенного на заявителя наказания и причин, по которым его вынесли внутренние суды, эти обстоятельства нельзя упускать из виду.

44. Апелляционный суд Вены, приговорив г-на Лингенса к штрафу, отдал приказ о конфискации соответствующих номеров журнала “Профиль” и о публикации в этом издании судебного решения.

Спорные статьи, как указало Правительство, в то время уже получили широкое хождение, так что хотя наложенное на автора наказание, строго говоря, уже не могло помешать ему выражать свое мнение, тем не менее оно было равносильным своего рода порицанию, которое, вероятно, могло отбить у него охоту заниматься подобной критикой в будущем. Представитель Комиссии справедливо отметил это обстоятельство. В контексте политической дискуссии подобный приговор может, по всей видимости, отвратить журналистов от стремления внести вклад в публичное обсуждение проблем, затрагивающих жизнь общества. К тому же санкция, подобная этой, может помешать прессе выполнять свою задачу поставщика информации и “сторожевого пса” общества (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое постановление по делу *Бартольда*. Серия А, т. 90, стр. 26, п. 58).

45. Австрийские суды сосредоточились прежде всего на выяснении вопроса, являются ли фразы, которые ставятся в вину г-ну Лингенсу, объективно диффамационными. Они определили, что некоторые из использованных выражений и в самом деле носят порочащий характер: “низкопробный оппортунизм”, “аморальный”, “недостойный” (см. п. 21 выше).

В своей жалобе заявитель утверждал, что замечания, о которых идет речь, представляли собой оценочные суждения, сделанные им в осуществление своего права на свободу слова (см. п. 22 и 29 выше). Суд, как и Комиссия, разделяет эту точку зрения. Критические выпады заявителя были фактически направлены против позиции, занятой г-ном Крайским, бывшим в ту пору федеральным канцлером. Предметом спора было не право заявителя распространять информацию, а его свобода выражения мнений и его право распространять идеи; тем не менее установленные в статье 10 п. 2 ограничения были применены.

46. Соответствующие суды постарались затем определить, удалось ли заявителю доказать истинность своих заявлений; это делалось во исполнение статьи 113 п. 3 Уголовного кодекса (см. п. 20 выше). По мнению судов, имеются различные способы оценки поведения г-на Крайского и логическим путем невозможно доказать, что одно толкование

является настолько правильным, что оно исключает возможность всех других; в результате они признали заявителя виновным в диффамации (см. п. 24, 26 и 29 выше).

С точки зрения Суда, следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию. Суд отмечает в этой связи, что факты, на которых г-н Лингенс основывал свои оценочные суждения, так же как и его добросовестность, никто не оспаривал (см. п. 21 выше).

Согласно статье 111 п. 3 Уголовного кодекса, рассматриваемой в сочетании с п. 2 той же статьи, журналисты в подобных случаях могут избежать осуждения за совершение действий, перечисленных в п. 1, только в том случае, если они сумеют доказать истинность своих утверждений (см. п. 20 выше).

В отношении оценочных суждений выполнить это требование невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции.

Окружной суд Вены отметил, что распределение бремени доказывания определено законом и только закон может изменить его (решение от 1 апреля 1981 г.; см. п. 26 выше). Однако Суд полагает, что в его обязанность не входит конкретизировать, какой именно орган государственной власти несет ответственность за нарушение Конвенции; речь идет о международной ответственности государства как такового (см., среди прочих, *постановление по делу Циммермана и Штейнера* от 13 июля 1983 г. Серия А, т. 66, стр. 13, п. 32).

47. Из вышесказанного видно, что вмешательство в осуществление свободы слова г-ном Лингенсом не было “необходимым в демократическом обществе... для защиты репутации ... других лиц”; оно было несоразмерным с преследуемой законной целью. Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 50

48. Согласно статье 50 Конвенции:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то постановлением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

49. В письме, полученном судебной канцелярией 18 ноября 1985 г., заявитель настаивал на получении справедливого возмещения в денежном выражении. Во время слушаний 25 ноября Правительство, хотя оно и оспаривало наличие нарушения, согласилось с некоторыми пунктами требований, но пожелало получить дальнейшие уточнения в отношении других пунктов. Г-н Лингенс представил их 6 декабря 1985 г. и 17 марта 1986 г., а Правительство ответило на них 18 марта. Комиссия представила свои комментарии 22 апреля 1986 г.

Вопрос, таким образом, готов для решения (статья 53 п. 1 Регламента Суда).

50. Заявитель требовал, во-первых, возвращения 15 000 шиллингов штрафа и 30 600 шиллингов судебных издержек, отнесенных на его счет Апелляционным судом Вены (см. п. 27 выше). Он действительно имеет право на возмещение указанных сумм по причине их непосредственной связи с решением, которое Суд считает противоречащим свободе слова (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *Минелли* от 25 марта 1983 г. Серия А т. 62, стр. 21, п. 47). Более того, Правительство не возражало против этого.

51. В возмещение расходов, понесенных в результате дополнительного наказания в виде обязанности опубликовать судебное решение в журнале “Профиль” (см. п. 30 выше, в сочетании с п. 21), заявитель потребовал 40 860 шиллингов, исходя из действовавших в то время расценок.

Правительство утверждало, что эта сумма включает в себя, во-первых, упущенную выгоду, а во-вторых, фактические финансовые издержки; оно придерживалось той точки зрения, что только последние должны приниматься в расчет в целях статьи 50.

Суд не может строить предположения относительно размера дохода, который г-н Лингенс мог бы получить, если бы в журнале на месте судебного решения, опубликованного 29 октября 1981 г., были бы размещены платные объявления. Но это не исключает того, что заявитель мог понести некоторый ущерб от упущенных возможностей, что должно быть принято во внимание. Бесспорно также существование издержек, понесенных в связи с опубликованием судебного решения, о котором идет речь.

Эти расходы не могут быть рассчитаны точно. Оценивая их в целом на справедливой основе, Суд присуждает г-ну Лингенсу 25 000 шиллингов по этому основанию.

52. Заявитель далее потребовал 54 938,60 шиллинга за издержки и расходы, затраченные на его защиту в Окружном и Апелляционном судах. Это требование заслуживает рассмотрения, так как судебные разбирательства в них были направлены на предотвращение или восстановление нарушения права, установленного настоящим Судом (см. вышеупомянутое постановление по делу *Минелли*. Серия А, т. 62, стр. 20, п. 45). Более того, испрашиваемая сумма представляется обоснованной и должна быть присуждена заявителю.

53. Относительно издержек и расходов, понесенных в ходе рассмотрения дела в учреждениях Конвенции, г-н Лингенс — который не получал судебной помощи в этой связи — первоначально оценил их в 197 033,20 шиллинга. Правительство оспорило как сумму, которую оно посчитало чрезмерной, так и способ ее исчисления. В последующем адвокат заявителя представил счет на 189 305,60 шиллинга.

Суд вновь подчеркивает, что в этом отношении он не связан внутренними ставками или критериями, на которые ссылаются Правительство и заявитель в обоснование своих позиций; он принимает решение по своему усмотрению, исходя из своих представлений о справедливости (см., среди прочих, *постановление по делу Эккля* от 21 июня 1983 г. Серия А, т. 65, стр. 15, п. 35). В данном случае никем не оспаривалось, что расходы были фактически произведены и необходимы; единственный спорный вопрос, насколько они были оправданы в денежном исчислении. Суд разделяет сделанные Правительством оговорки и считает целесообразным присудить заявителю 130 000 шиллингов в возмещение расходов, о которых идет речь.

54. И наконец, г-н Лингенс потребовал 29 000 шиллингов в возмещение расходов на поездки и проживание во время рассмотрения дела в Комиссии, а потом в Суде.

Заявители могут предстать перед Комиссией лично (статья 26 п. 3 Регламента), и именно это произошло в настоящем случае. Хотя они не могут выступать в качестве стороны в

Суде, они тем не менее вправе, на основании статей 30 и 33 п. 3 (d) Регламента Суда, участвовать на определенных условиях в судебном разбирательстве. Более того, их присутствие в зале суда является несомненным плюсом: оно позволяет Суду уточнить на месте их точку зрения по касающимся их вопросам (статьи 39 и 44 Регламента Суда — см. постановление по делу *Кёнига* от 10 марта 1980 г. Серия А, т. 36, стр. 19, п. 26). Не представляется необоснованной и сумма, испрашиваемая в этой связи г-ном Лингенсом.

55. Общая сумма, присуждаемая г-ну Лингенсу на основании статьи 50 Конвенции, составляет 284 538,60 шиллинга.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил*, что Республика Австрия должна выплатить заявителю 284 538,60 шиллинга (двести восемьдесят четыре тысячи пятьсот тридцать восемь шиллингов и шестьдесят грошей) в качестве “справедливого возмещения”.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 8 июля 1986 г.

Председатель Рольф Риссдал

За Секретаря Джонатан Л. Шарп,

Руководитель отдела секретариата

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагается особое мнение г-на Тора Вильямсона.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ

ТОРА ВИЛЬЯМСОНА

По этому делу я присоединился к выводу моих коллег о нарушении статьи 10 Конвенции, но сделал это с некоторым колебанием. Хотел бы прокомментировать основания, изложенные в настоящем постановлении.

В первом абзаце п. 29 говорится, что Апелляционный суд Вены установил, что г-н Лингенс критиковал г-на Крайского в его обоих качествах: и как партийного лидера, и как

частное лицо (подчеркнуто мной). Имея это в виду, мне трудно согласиться с последней частью п. 38 постановления. Хотя вместе с другими судьями я согласен, что в данном случае следует применять и толковать именно статью 10 Конвенции. Однако это должно быть сделано учетом права на уважение личной жизни, о чем говорит статья 8 Конвенции. Это один из факторов, имеющих отношение к решению вопроса о том, была ли свобода слова в данном случае подвергнута ограничениям и санкциям, которые необходимы в демократическом обществе для защиты репутации других лиц. Содержание последующих пунктов показывает, что фактически это право было учтено, когда Суд взвешивал значимость соответствующих доводов. Как сказано выше, я согласен с выводом, изложенным в п. 47, и с постановляющей частью судебного постановления.

© Перевод Института проблем информационного права (г.Москва), 2002